
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Андрей Семенов

ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА К ПОЛИТИЧЕСКОМУ? ДИНАМИКА ПРОТЕСТНЫХ ТРЕБОВАНИЙ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ (2008–2012 ГГ.)

В статье на основе парного сравнения и событийного анализа (*event-analysis*) протестов в Пермском крае и Тюменской области реконструируется динамика вовлеченности граждан в публичные протестные действия между экономическим кризисом 2008–2009 гг. и движением «За честные выборы!» 2011–2012 гг. Предыдущие исследования указывают на связь между кризисной ситуацией в экономике и изменениями в политических установках россиян, в частности – атрибуции ответственности за положение дел в стране правительству и правящей партии. Транслировалось ли недовольство экономической ситуацией в политический протест против «Единой России»? Это предположение проверяется на основе сравнения двух относительно благополучных в социально-экономическом плане регионов, которые, однако, отличаются своими политическими характеристиками (уровнем политической конкуренции и гражданской активности). Событийный анализ протестов, несмотря на распространенность в исследованиях мобилизации, имеет ряд ограничений, связанных с покрытием, качеством источников, особенностями процедуры кодирования и агрегации данных. Обсуждаются возможности преодоления ограничений; утверждается, что фокус на субнациональном уровне позволяет решить часть этих проблем, а сам событийный анализ представляется важным аналитическим инструментом для отслеживания не только количества протестных акций и участников, но и композиции требований и иных характеристик. Случаи Пермского края и Тюменской области демонстрируют

Андрей Владимирович Семенов – к. полит. н., старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований; доцент кафедры политических наук ПГНИУ, Пермь, Россия. Электронная почта: andre.semenoff@gmail.com

разную динамику при сходной композиции: на первом плане в обоих регионах находятся вопросы локального/городского развития, гражданских/политических прав и лишь затем – экономические проблемы. Кризис 2008–2009 гг., существенно сказавшийся на обоих регионах, тем не менее, не стал значимым элементом протестной повестки дня. Более того, вопреки теоретическим ожиданиям протестная волна наблюдалась в Тюменской области, а не в Пермском крае, экономика которого более чувствительна к резким экономическим изменениям, что вместе с конкурентным политическим режимом создавало благоприятную почву для мобилизации. Объяснение этому парадоксу может быть найдено в повышенной активности в Тюмени коммунистических организаций, которые, кроме того, в обоих случаях активно работали над слиянием экономической и политической повестки. Другими площадками их соединения стали зонтичные организации, объединившие гражданских и политических активистов.

Ключевые слова: событийный анализ, протест, социальные движения, мобилизация, кризис

Глобальный экономический кризис (2008) стал для России отправной точкой изменений: экономический рост в 5,6% (2008) сменился падением в 7,9%, безработица (по методологии Международной организации труда) выросла с 6 до 8,3% (ЕМИСС 2015), индекс потребительских настроений, рассчитываемый Левада-центром, с марта 2008 по февраль 2009 г. сократился на 38 пунктов (Аналитический центр... 2015). В отличие от предыдущих экономических кризисов государство оказалось в лучших условиях: с бюджетным профицитом, небольшим государственным долгом и значительными валютными резервами. Несмотря на «внешний» характер кризиса и активные меры по поддержке отдельных отраслей и социальных групп, российскому правительству не удалось избежать политических последствий в виде последовательно снижавшейся общественной поддержки (Robinson 2013). На фоне падения рейтингов В. Путина и Д. Медведева и изменившихся экономических (Ericson 2009) и политических (Gel'man 2013) условий, появление движения «За честные выборы!» в декабре 2011 г. хотя и не вызвало полномасштабного политического кризиса, явилось вызовом для режима Путина; в фокусе движения была политическая повестка (процедурная легитимность, нарушения базовых прав и свобод), территориально оно в значительной мере концентрировалось в столице и крупных городах (Завадская, Савельева 2014).

Протестный цикл 2007–2010 гг. включал в себя как социально-экономические требования (протесты против закрытия завода в Пикалево, выступления автомобилистов против повышения тарифов на импорт автомобилей во Владивостоке и других городах в 2009), так и политические кампании (Марши несогласных и «Стратегия-31», выступления в Калининграде в 2009 г., кампания в защиту Химкинского леса, выступления националистов

в 2010 г.). Однако эти акции носили локальный или региональный характер (Teague 2011; Evans 2012). В то же время как доказывает Даниел Трисман на основе анализа опросов Аналитического центра Юрия Левады, «восприятие экономических результатов [работы правительства в этот период] становится все более тесно связанным с представлениями респондентов о Путине и Медведеве, а мрачные оценки экономики транслируются все больше в снижение рейтингов одобрения», и сильнее эта связь в провинциальных городах, где, к тому же, сильнее протестные настроения (Treisman 2014: 383, *здесь и далее перевод автора*). Его аргументы пересекаются с анализом Пола Чейсти и Стивена Уайтфилда (Chaisty, Whitefield 2012), продемонстрировавшим, что кризис 2008 г. оказал значимое воздействие на настроения среднего класса, который стал связывать экономические оценки с качеством управления (демократическими практиками). Иными словами, экономический кризис напрямую затронул благосостояние значительной части населения России, которое постепенно переносило груз ответственности за положение дел в стране на правительство и президента. Транслировалась ли эта растущая уверенность в неэффективности государственного управления в публичную протестную активность? Можно ли проследить связь между экономическим кризисом, разочарованием в государственной политике, аккумуляцией протеста и появлением движения «За честные выборы»?

В данной статье на эти вопросы даются ответы при помощи парного сравнения и событийного анализа протестов (*protest event-analysis*). Материалом для исследования служат данные о публичных выступлениях в двух регионах – Пермском крае и Тюменской области, – за период 2008–2012 гг. Эти данные позволяют отслеживать частоту, количество организаторов и участников, требования мероприятий. Событийный анализ данных – распространенный инструмент исследования мобилизации в рамках теории политического процесса и структуры политических возможностей (McAdam et al. 1996); регионы были отобраны по причине сходства экономического профиля, реакции на кризис и различий в политическом режиме.

Событийный анализ протестов как аналитический инструмент

Событийный анализ протестов является распространенным инструментом исследований в области «соstitialной политики» (*contentious politics*), «ключевой методологической новацией, возникшей в рамках изучения социальных движений» (Hutter 2014: 335). Он представляет собой разновидность контент-анализа, поскольку каталоги событий составляются на основе текстового материала (отчеты полиции, сообщения в прессе, дневники наблюдения). Трансформация «слов в цифры» (Franzosi 2004) имеет ряд «подводных камней»: любой каталог протестных событий основывается на определенной теории, то есть ответе на вопрос, каковы

необходимые и достаточные характеристики события, чтобы считать его протестным. Иными словами, вероятность попадания того или иного события в каталог зависит от концептуализации, что особенно важно в контексте динамики социальных изменений.

Серьезным вызовом в использовании событийного анализа протестов применительно к России является масштаб страны и вытекающие отсюда последствия в виде доступности данных и смещений, вызванных концентрацией источников на уровне столицы/крупных городов и общей пространственной гетерогенностью. Один из способов решения этой проблемы – анализ отдельных видов публичных протестов, как, например, в исследовании в Аргентине – подобно России, стране с федеративным устройством и множественными локальными особенностями, в котором в центре внимания оказались блокады дорог (Arce, Mangonnet 2013). Марк Бейссингер (Beissinger 2002) собрал данные о демонстрациях, массовом политически мотивированном насилии и националистической мобилизации в Советском Союзе в 1967–1992 гг., предупреждая читателя об ограничениях информации, собранной из газет. В более позднем исследовании, охватывающем страны Восточной Европы в период 2007–2010 гг., собраны данные о массовых демонстрациях (не менее 100 человек), забастовках и массовом насилии по сообщениям информационных агентств (Beissinger, Sasse 2014: 365–366). Наконец, примером является база данных (мониторинг) трудовых протестов, собираемых Петром Бизюковым с 2008 г. из более чем 80 сетевых источников (Центр... 2015). Однако ограничения по форме, количеству участников или типу требований не позволяют анализировать взаимосвязь между разными формами и основаниями протестной активности.

Другая стратегия применяется в работах Грэма Робертсона (Robertson 2011, 2013) и Томилы Ланкиной (Lankina 2015). Робертсон опирается на отчеты МВД (1997–2000 гг.) и ИКД – Института коллективного действия (2007–2010 гг.). «Сводки» МВД позволили отследить тип события, локацию, тип участников, их число, продолжительность и тип требований; всего было зафиксировано 5 822 события. Отчеты ИКД отражают ситуацию 10 лет спустя, они кодировались по аналогичной схеме, 5 726 событий зафиксировано в период с 2007 по 2011 гг. Несмотря на различия в источниках, включая возможные смещения в освещении протестных событий, на агрегированном уровне данные позволяют проследить важное для исследования изменение фокуса протестов: если в конце 1990-х гг. 72–74% событий касались невыплаченной заработной платы и трудовых прав, а остальные вопросы оказывались на периферии (требования политических изменений и изменений политического курса набирают по 5%), то в конце 2000-х гг. ситуация меняется кардинально. Требования выплат зарплаты радикально сократились до 6%, тогда как протесты, связанные с городским развитием/окружающей средой составили 28% от общего числа, а требования изменить политический курс – 22%. Более

того, на третьем месте по значимости оказались вопросы гражданских прав (16%). Робертсон заключает: «Граждане, как представляется, все более готовы отслеживать связь между проблемами материального характера и абстрактными вопросами наподобие гражданских прав или фальсификаций на выборах» (Robertson 2013: 21).

Похожие тенденции фиксирует Ланкина: используя сообщения на сайте *namarsh.ru* (создан Гарри Каспаровым для распространения информации о «Маршах несогласных»), исследователь создала базу данных из 4726 событий за период с марта 2007 по декабрь 2012 гг. В дополнение к традиционным переменным (локация, количество участников, репертуар) кодировались «категории протеста»: политические, экономические, социальные, правовые, экологические и культурные – последние три объединяются позже в категорию «гражданские» (Lankina 2015: 332). Их соотношение в целом по стране: 38% – политические, 15% – экономические, 20% – социальные и 26% – гражданские. Важной особенностью рассматриваемой базы данных является возможность проследить вариацию на уровне регионов, хотя к этому измерению надо подходить с известной осторожностью, поскольку, как и любой активистский ресурс, *namarsh.ru* явно имеет смещение по корреспондентской сети, то есть, данные могут отражать не столько протестную активность граждан в регионе, сколько активность корреспондентов ресурса.

Таким образом, существующие событийные каталоги позволяют генерировать и подтверждать гипотезы о природе и динамике протестных действий, в том числе – в привязке к типам требований. Исследования в этой области указывают на некоторые общие тенденции: волновой характер мобилизации с пиками в 1990–1993, 1997–1998, 2004–2005 и 2011–2012 гг.; диверсификацию требований при лидерстве вопросов «болезней роста», социальной политики и гражданских/политических прав; трансформацию репертуара. Попытка решить проблемы имеющихся баз данных вылилась в необходимость создания собственной, основанной на альтернативных источниках.

Динамика протестной активности в российских регионах

Для анализа динамики протестных требований в российских регионах была разработана база данных протестных событий, которые определяются как индивидуальные или коллективные действия по публичному предъявлению требований, выражению недовольства действиями правительства или неправительственных акторов. Исследования демонстрируют смещение в отборе событий, попадающих в отдельные газеты или новостные ленты (Koopmans, Rucht 2002; Herkenrath, Knoll 2011), т.е. медиа-источники отличаются избирательностью внимания к протестным событиям из-за особенностей редакторской политики и самооцензуры

журналистов. Однако альтернативы (включая отчеты органов власти или дневники наблюдения) зачастую оказываются еще более избирательными (Лобанова, Семенов 2013). Чрезвычайно важным для создания событийных каталогов является качество сообщений в медиа: ключевые характеристики (время, место, продолжительность, количество, организаторы, требования и цель) могут быть пропущены, более того, известны расхождения в оценках, например, количества участников акций протеста. В данной статье каталог событий создан с опорой на массив сообщений базы «Интегрум», что позволило, с одной стороны, избежать смещений, связанных с отдельными изданиями, с другой – дополнить и «триангулировать» данные в случае пропусков и расхождений.

Пермский край и Тюменская область (без автономных округов) в качестве случаев были выбраны для парного сравнения, поскольку оба региона входят в число лидеров по объему ВРП и промышленного производства, уровню жизни и доходам населения, то есть, обладают сходными экономическими характеристиками (Независимый институт... 2015а). В то же время регионы значительно отличались в изучаемый период по показателям политической конкуренции и гражданской активности: Пермский край традиционно считается одним из наиболее открытых и конкурентных субнациональных режимов (Борисова 2010), в то время как Тюменская область характеризуется высокой степенью консолидации региональных элит и маргинальным положением оппозиционных групп (Семенов 2014). Экономический профиль Пермского края оказался более чувствительным к кризису 2008–2009 гг.: по сравнению с 2008 индекс промышленного производства в 2009 г. снизился на 14,8 пп. (в Тюменской области – увеличился на 2,8 пп.), безработица на пике – в первом квартале 2010 г. – составила 11 % (в Тюменской области – 7,8%, по России в целом – 8,7%), появилась задолженность по заработной плате (ЕМИСС 2015).

Согласно данным Независимого института изучения социальной политики, в Пермском крае сильнее всего кризис затронул химическую промышленность, предприятия черной металлургии, которые концентрируются в монопрофильных городах; значительно сократились инвестиции в человеческий капитал и доступность социальных услуг за пределами столицы края (Независимый институт... 2015b). Тогда как для юга Тюменской области первоочередной проблемой стало значительное падение доходной базы бюджета, особенно в связи с централизацией налога на добычу полезных ископаемых (Независимый институт... 2015с).

Учитывая состояние экономики и структуру политических возможностей регионов, можно было бы ожидать увеличение протестной активности, а также больший вес экономических протестов, в первую очередь, в Пермском крае. Событийный анализ протестной активности демонстрирует обратное: за период с 2008 по 2012 г. в Тюмени и Перми было зафиксировано 325 и 161 акция протеста соответственно (рис. 1). Большинство (93–95%)

протестных акций согласно нашему исследованию сконцентрировано в столицах регионов, несмотря на наличие других крупных городов.

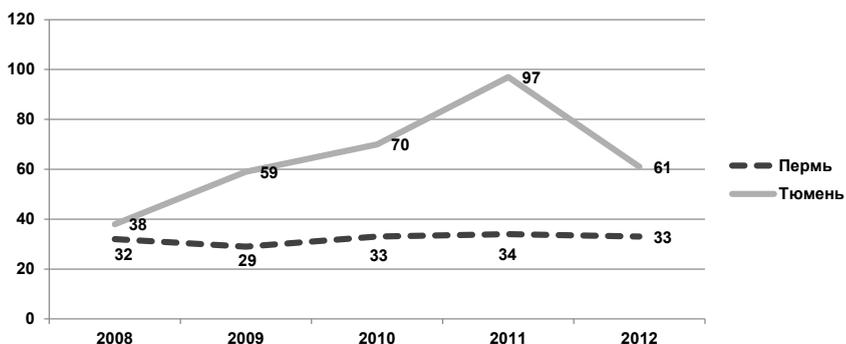

Рисунок 1. Динамика протестных акций в Тюменской области и Пермском крае (2008–2012 гг.).

Источник: база данных «Состязательная политика в регионах России»

Динамика и степень интенсивности также различается: в Тюмени фиксировалась восходящая тенденция с 38 в 2008 до 97 событий в 2011 г. с последующим падением до 61; в Перми за этот период наблюдается «плато», количество событий колеблется от 29 до 34. Кроме того, что количество акций в Тюмени на пике в три раза превышает количество акций в Перми, численность протестующих в пересчете на размер населения города с исключением из анализа крупных символических акций коммунистов (День солидарности трудящихся 1 мая и годовщину Октябрьской революции 7 ноября) в Тюмени превышает показатели Перми: за пятилетний период 17,8 тыс. протестующих (4,4 на 1000 населения) зафиксировано в Тюмени, 18 тыс. (1,9 на 1000 населения) – в Перми.

Атрибуция той или иной категории требований протестному событию вызвала затруднения в связи с тем, что практически на каждом протестном мероприятии набор лозунгов и требований не вписывался в рамки определенной категории. Потому на основании наиболее часто встречаемых требований, лозунгов и слоганов кодировалась «базовая» категория, а далее – дополнительные. Всего использована 21 категория, 31 % событий Тюмени и 38 % Перми были отнесены к сложносоставным событиям. Практически каждый пятый протест касается вопросов локального/городского развития: точечной/незаконной застройки, обманутых дольщиков, защиты рекреационных городских зон (парков, зон отдыха), охраны архитектурного наследия. Таким же по частоте является категория защиты политических/гражданских прав (18,1 %), куда включались протесты против политических репрессий, в защиту свободы слова, права на собрания

(например, «Стратегия-31»), против изменения Конституции. Состояние экономики (заработная плата, налогообложение, расходы государственного бюджета) является предметом около 15% публичных акций протеста.

В определенной мере эти данные подтверждают выводы Робертсона о том, что протесты 2000-х вызваны проблемами роста, а не упадка: в нашей выборке протесты рабочих против невыплат заработной платы, ликвидации предприятий довольно редки, тогда как проблемы городской среды и защищенности прав, вместе с общими экономическими вопросами доминируют. Любопытно, что государству, судя по этим данным, удается избегать атрибуции ответственности: лишь 8% акций касаются качества государственного управления (коррупции, прозрачности работы органов власти и т.д.), хотя некоторые из них привлекают большое количество участников: например, в Тюмени до кампании «За честные выборы» крупнейший (250 человек) непартийный митинг прошел 30 октября 2010 г. под лозунгом «Нет распилу общественных денег!» и был посвящен вопросу коррупции в ходе строительства подземного перехода. Особенно контрастируют эти данные с опросами общественного мнения: согласно исследованиям Левада-Центра 2011 г., 59% (55% в 2015) считали, что правительство не может справиться с ростом цен и падением доходов, 36% (20% в 2015) предъявляли претензии к неспособности обеспечить людей работой, еще 33% (22% в 2015) – правительство не заботится о социальной защите населения (Волков 2015). Таким образом, список претензий к власти расходится с публичным выражением этих претензий.

Если рассмотреть три основных категории требований в динамике, как и в случае с частотой и количеством участников обнаруживаются существенные расхождения между двумя анализируемыми случаями (рис. 2). Так, в Тюмени в 2011 г. наблюдается спад акций, связанных с городскими вопросами, в Перми же именно эта категория требований оказывается доминирующей, что отчасти объясняется ситуативными факторами: Координационный совет протестных действий (КСПД) Перми проводит длительную кампанию в поддержку третьей статьи конституции, на которой поднимаются вопросы местного значения – строительство и ремонт жилья для малообеспеченных, приватизация общежитий, а также возвращение прямых выборов мэра; выступают в защиту своих прав обманутые дольщики. В Тюмени в 2011 г. картина протестов довольно пестрая: экономические требования выдвигают, в основном, политические партии (КПРФ, РКРП, ЛДПР), а также сотрудники предприятия ТУАНН в рамках кампании против его банкротства и последующего рейдерского захвата.

Значимые различия присутствуют и в связке «организатор-категория требований»: в Тюмени большую часть экономических протестов (около 48%) организовано коммунистическими партиями (КПРФ и РКРП), тогда как в Перми доминирующего актора нет. По вопросам местного значения организаторы в обоих случаях разные: от жителей домов, затронутых

решениями городских властей, до политических организаций и гражданских активистов. Наконец, по поводу гражданских и политических прав в Тюмени чаще организовывали акции анархисты, РКРП и партия «Воля», а в Перми – гражданские активисты и КСПД. Тема экономического кризиса как в Тюмени, так и в Перми звучит в акциях коммунистических организаций. Пермский КСПД в рамках кампании против расселения общежитий поднимает тему кризиса на митинге 25 октября 2008 г., в 2009 г. проводит три акции (15 февраля, 14 марта, 17 октября). Протестные требования фокусируются на бедственном положении незащищенных социальных групп: рабочих («Рабочие не должны платить за кризис!», «Нет сокращениям!»), жителей расселяемых общежитий («Россия – страна бездомных», «Власть делает нас бомжами»), пенсионеров и малоимущих («Народ против роста цен»). Адресатом требований стали губернатор края Олег Чиркунов, «Единая Россия» и «власть» в целом.

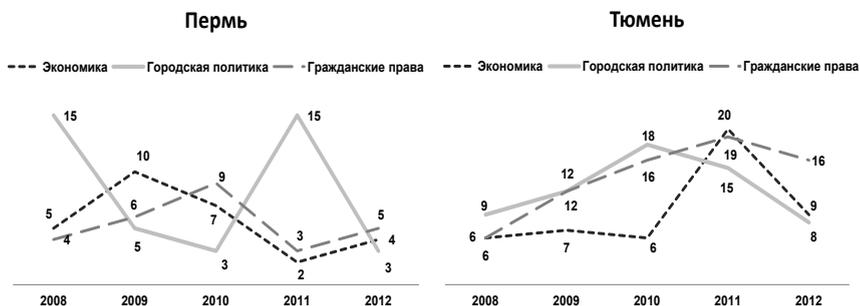

Рисунок 2. Динамика основных протестных требований в Тюмени (слева) и Перми (справа) за 2008–2012 гг. Источник: подсчеты автора.

Будучи связанным с внепарламентскими левыми организациями, КСПД в публичной протестной активности делал акцент на социально-экономических требованиях. Политические права стали предметом параллельной кампании парламентских партий и гражданских активистов: 23 октября 2009 г. коммунисты вместе с ЛДПР и СР проводят митинг против нарушений на выборах с лозунгами, которые повторяются в движении «За честные выборы!» («Верните народу выборы!», «Коррупция начинается с фальшивых выборов!», «Фальшивые выборы – гнилая власть!», «Чурова в отставку!»), ««Единая Россия», отдай наши голоса!»), а в 2010 г. в Перми сформировалась коалиция «За прямые выборы мэра». Тема экономического кризиса прозвучала лишь раз в 2010 г., а КСПД в 2011–2012 гг. стал активным участником движения «За честные выборы!».

В Тюмени экономический кризис также являлся предметом повестки дня в первую очередь коммунистов: КПРФ и РКРП провели митинги

18 сентября и 17 октября 2009 г. соответственно, оба собрали до 200 участников. Партия «Воля» – активный организатор публичных протестов – провела пикет 7 ноября 2009 г. о проблемах реформы российской армии в условиях кризиса. В 2010 г., как и в пермском случае, тема кризиса единожды поднимается КПРФ в контексте обсуждения «антикризисной политики правительства», и в 2011 г. протестная повестка дня левых смыкается с движением «За честные выборы!», в том числе в рамках Совета инициативных групп и граждан (СИГГ) – зонтичной организации, созданной в октябре 2010 г. и призванной объединить политические организации и инициативные группы в городе. Во время кампании «За честные выборы» именно СИГГ выступил организатором большинства акций протеста, на его заседаниях обсуждались вопросы повестки дня митингов, где активисты предлагали соединить политические и экономические требования. В дальнейшем эти лозунги были добавлены в повестку «Марша миллионов» в сентябре 2012 г.

В Перми КСПД играл схожую роль в обсуждении и объединении различных категорий требований, поскольку уже имел опыт совместных мероприятий с другими организациями и протестными группами, кроме того, выступал заявителем основных акций кампании «За честные выборы» на первых этапах, до появления «Совета 24 декабря», – инициативной группы по проведению кампании, просуществовавшей до марта 2012 г., куда вошли гражданские и политические активисты, эксперты и оппозиционные политики. Заявления Совета носили исключительно политический характер, его деятельность была направлена на мобилизацию наблюдателей, противодействие нарушений на выборах, организацию дискуссий и других публичных мероприятий (Совет 24 декабря 2012).

Заключение

Парное сравнение Тюменской области и Пермского края, с одной стороны, не может быть генерализовано до национального уровня: многообразие экономических условий, равно как и различия в политическом контексте выходят за пределы данного сравнения. Тем не менее их анализ предоставляет возможность более четко проследить связь между экономическим кризисом 2008 г. и политическим кризисом 2011–2012 гг., особенно – роль политического контекста, поскольку экономическое положение и реакция на кризис власти в обоих случаях были сопоставимы. Исследование показало, что значительная часть протестных акций в регионах фокусировалась на вопросах качества жизни и защищенности базовых прав, и лишь затем на экономике. Большинство таких требований предъявляются небольшими, замкнутыми группами. Формирование коалиций и объединение различных требований происходит, в первую очередь, с помощью политических и гражданских активистов. В Тюменской области

и Пермском крае политические организации (в основном левые) занимались объединением требований и формированием коалиций, в результате, накануне выборов 2011 г. уже существовали структуры, имеющие опыт протестных действий (политические партии, координационные советы, активистские сети), а также разнородные внеполитические локальные группы и сети, которые стали частью движения «За честные выборы».

Собранные данные также вносят вклад в дискуссию о политизации/деполитизации российского общества. Исследование демонстрирует разный потенциал мобилизации у разных категорий требований: так, акции по поводу гражданских/политических прав являются достаточно частыми, но за исключением движения «За честные выборы» не привлекали большого количества участников. Вопросы «локальной» политики и качества городской жизни, в свою очередь, зачастую поднимаются группами, не имеющими предварительного опыта участия в коллективных действиях, становятся «фокальными точками» для смешения различных требований между собой. Эти наблюдения согласуются с работами, посвященными «городским режимам» (Тыканова, Хохлова 2015) и низовому активизму (Клеман и др. 2010), которые свидетельствуют о складывающихся городских коалициях «фроста» и существенных противоречиях между ними и местным сообществом. Несмотря на то что масштаб требований таких групп не всегда может быть переформатирован до национального уровня и являться основанием для широких кампаний/движений, тем не менее такие инициативы становятся важным местом для вовлечения людей в коллективные действия и гражданское участие.

Благодарности

Статья выполнена в рамках Программы развития партнерских центров Европейского Университета в Санкт-Петербурге.

Автор выражает благодарность коллегам по проекту «Состязательная политика в регионах России» за их помощь в реализации проекта и вдохновение, а также анонимному рецензенту за отзыв на первоначальную версию статьи.

Список источников

Аналитический центр Юрия Левады (2015) *Социально-экономические индикаторы*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9fMkD> (дата обращения: 12 декабря 2015).

Борисова Н. (2010) Пермь: локальный режим в крупном российском городе. *Неприкосновенный запас*, 70 (2): 92–103.

Волков Д. (2015) *Выборы 2015–2016 года: повестка для оппозиции*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9iEgC> (дата обращения: 12 мая 2015).

ЕМИСС (2015) *Единая межведомственная информационно-статистическая система*. Доступно по ссылке: <http://fedstat.ru/> (дата обращения: 12 декабря 2015).

Завадская М., Савельева Н. (2014) «А можно я как-нибудь сам выберу?»: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011–2012 годов. С. Ерыпылева, А. Магун (ред.) *Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов*, М.: Новое литературное обозрение: 219–270.

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. (2010) *От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России*, М.: Три квадрата.

Лобанова О., Семенов А. (2013) Как люди и организации требуют изменений: исследование репертуара протеста в Тюмени. *Мониторинг общественного мнения*, 6 (118): 30–38.

Независимый институт социальной политики (2015а) *Социальный атлас российских регионов*. Доступно по ссылке: <http://atlas.socpol.ru/> (дата обращения: 12 декабря 2015).

Независимый институт социальной политики (2015b) *Социальный атлас российских регионов: Пермский край*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9iEh7> (дата обращения: 12 декабря 2015).

Независимый институт социальной политики (2015c) *Социальный атлас российских регионов: Тюменская область*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9iEhF> (дата обращения: 12 декабря 2015).

Семенов А. (2014) Партийные и непартийные акторы в избирательных кампаниях: опыт Тюменской области. *Вестник Пермского государственного университета*, 3: 65–75.

Соболев А. (2012) *Факторы коллективного действия: случай массовых протестов в России в 2011–2012 гг.*, М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Совет 24 декабря (2012) Доступно по ссылке: <https://sovets24dec.wordpress.com/> (дата обращения: 12 декабря 2015).

Стародубровская И., Зубаревич Н., Назаров В., Горина Е. (2010) *Анализ региональной антикризисной политики*, М.: Дело РАНХ.

Тыканова Е., Хохлова А. (2015) Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство. *Журнал исследований социальной политики*, 13 (2): 241–256.

Центр социально-трудовых прав (2015) *Методика и информационная база мониторинга трудовых протестов ЦСТП*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9fMjR> (дата обращения: 12 мая 2015).

Arce M., Mangonnet J. (2013) Competitiveness, Partisanship, and Subnational Protest in Argentina. *Comparative Political Studies*, 46 (8): 895–919.

Beissinger M. (2002) *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*, Cambridge: Cambridge University Press.

Beissinger M., Sasse G. (2014) An End to 'Patience'? N. Bermeo, L. Bartels (eds.) *Mass Politics in Tough Times: Opinions, Votes and Protest in the Great Recession*, Oxford: Oxford University Press: 334–371.

- Chaisty P., Whitefield S. (2012) The Effects of the Global Financial Crisis on Russian Political Attitudes. *Post-Soviet Affairs*, 28 (2): 187–208.
- Ericson R. (2009) The Russian Economy in 2008: Testing the 'Market Economy'. *Post-Soviet Affairs*, 25 (3): 209–231.
- Evans A. (2012) Protests and Civil Society in Russia: The Struggle for the Khimki Forest. *Communist and Post-Communist Studies*, 45 (3): 233–242.
- Franzosi R. (2004) *From Words to Numbers: Narrative, Data, and Social Science*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Gel'man V. (2013) Cracks in the Wall: Challenges to Electoral Authoritarianism in Russia. *Problems of Post-Communism*, 60 (2): 3–10.
- Herkenrath M., Knoll A. (2011) Protest Events in International Press Coverage: An Empirical Critique of Cross-National Conflict Databases. *International Journal of Comparative Sociology*, 52 (3): 163–180.
- Hutter S. (2014) Protest Event-Analysis and Its Offsprings. D. della Porta (ed.) *Methodological Practices in Social Movement Research*, Oxford: Oxford University Press: 335–367.
- Koopmans R., Rucht D. (2002) Protest Event Analysis. B. Klandermans, S. Staggenborg (eds.) *Methods of Social Movement Research*, Minneapolis: University of Minnesota Press: 231–259.
- Lankina T. (2015) The Dynamics of Regional and National Contentious Politics in Russia: Evidence from a New Dataset. *Problems of Post-Communism*, 62 (1): 26–44.
- McAdam D., McCarthy J., Zald M. (1996) *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Robertson G. (2011) *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Robertson G. (2013) Protesting Putinism. The Election Protests of 2011–2012 in Broader Perspective. *Problems of Post-Communism*, 60 (2): 11–23.
- Robinson N. (2013) Russia's Response to Crisis: The Paradox of Success. *Europe-Asia Studies*, 65 (3): 450–472.
- Teague E. (2011) How did the Russian Population Respond to the Global Financial Crisis? *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 27 (3–4): 420–433.
- Treisman D. (2014) Putin's Popularity Since 2010: Why did Support for the Kremlin Plunge, then Stabilize? *Post-Soviet Affairs*, 30 (5): 370–388.

Andrey V. Semenov

FROM ECONOMIC CRISIS TO POLITICAL? DYNAMICS OF PROTEST DEMANDS IN RUSSIA (2011-2012)

The article tackles the issue of the interconnectedness of the global economic crisis 2008 to the 'For Fair Elections' movement in Russia in 2011–2012. Recent studies show that the 2008 crisis affected the political attitudes of Russian citizens, who began to assign blame to the government and ruling party. This development might have contributed to the mass mobilization of 2011–2012 against unfair elections and the 'United Russia' party in particular. To test this hypothesis we examined a dataset covering public protest events over 2008 to 2012 in the regions of Perm krai and Tyumen oblast¹. The cases in this article were selected due to their similarity along the basic socio-economic indicators and differences in their political features, particularly with regards to their degree of competition and the level of civic engagement. The challenges of event-analysis have been addressed as well; it appears that a focus on the sub-national level helps overcome certain limitations. Despite these limits, the data reveals both the frequency and the level of engagement of citizens in protest activity, while tracking the composition of demands on display. According to this data, the cases of Perm and Tyumen demonstrate divergent dynamics of contention while sharing a similar protest composition: local or urban governance issues are the most frequent closely followed by political and civil rights demands with economic protests lagging behind. The global economic crisis hit both regions badly but did not dominate the public protest agenda. Moreover, contrary to theoretical expectations, contention was more intense in Tyumen rather than in Perm, whose economy was prone to crisis and politics were more conducive for mobilization. This paradox can be explained by Tyumen's highly active communist parties, who, also contributed to the amalgamation of economic and political claims. Umbrella organizations in both cases were identified as another arena where political and civic activists struggled to reconfigure protest demands.

Keywords: event-analysis, protest, social movements, mobilization, crisis

References

- Arce M., Mangonnet J. (2013) Competitiveness, Partisanship, and Subnational Protest in Argentina. *Comparative Political Studies*, 46 (8): 895–919.
- Beissinger M. (2002) *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*, Cambridge: Cambridge University Press.

Andrey V. Semenov – PhD (Political Science), Senior Researcher, Center for Comparative History and Politics Studies; Associate Professor, Department of Political Sciences, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation. E-mail: andre-semenoff@gmail.com

- Beissinger M., Sasse G. (2014) An End to 'Patience'? N. Bermeo, L. Bartels (eds.) *Mass Politics in Tough Times: Opinions, Votes and Protest in the Great Recession*, Oxford: Oxford University Press: 334–371.
- Borisova N. (2010) Perm: lokal'nyi regime v krupnom rossiiskom gorode [Perm: Local Regime in a Large Russian City]. *Nerpikosnovennyi zapas* [Untouchable Store], 70 (2): 92–103.
- Center for Social and Labor Rights (2015) *Metodika i informacionnaya baza monitoringa trudovyh protestov CSPT* [Methodics and Informational Sources for Labour Conflict Monitoring]. Available at: <https://clck.ru/9fMjR> (accessed 12 May 2015).
- Chaisty P., Whitefield S. (2012) The Effects of the Global Financial Crisis on Russian Political Attitudes. *Post-Soviet Affairs*, 28(2): 187–208.
- EMISS (2015) *Integrated Interagency Informational-statistical System*. Available at: <http://fedstat.ru/> (accessed 12 December 2015).
- Ericson R. (2009) The Russian Economy in 2008: Testing the 'Market Economy'. *Post-Soviet Affairs*, 25 (3): 209–231.
- Evans A. (2012) Protests and Civil Society in Russia: The Struggle for the Khimki Forest. *Communist and Post-Communist Studies*, 45 (3): 233–242.
- Franzosi R. (2004) *From Words to Numbers: Narrative, Data, and Social Science*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Gel'man V. (2013) Cracks in the Wall: Challenges to Electoral Authoritarianism in Russia. *Problems of Post-Communism*, 60 (2): 3–10.
- Herkenrath M., Knoll A. (2011) Protest Events in International Press Coverage: An Empirical Critique of Cross-national Conflict Databases. *International Journal of Comparative Sociology*, 52 (3): 163–180.
- Hutter S. (2014) Protest Event-Analysis and Its Offsprings. D. della Porta (ed.) *Methodological Practices in Social Movement Research*, Oxford: Oxford University Press: 335–367.
- Clement C., Miryasova O., Demidov A. (2010) *Ot obyvatelei k aktivistam: zarozhdaiussiesya socialnye dvizheniya v sovremennoi Rossii* [From Bystanders to Activists: Emerging Social Movements in Contemporary Russia], Moscow: Tri Kvadrata.
- Koopmans R., Rucht D. (2002) Protest Event Analysis. B. Klandermans, S. Staggenborg (eds.) *Methods of Social Movement Research*, Minneapolis: University of Minnesota Press: 231–259.
- Lankina T. (2015) The Dynamics of Regional and National Contentious Politics in Russia: Evidence from a New Dataset. *Problems of Post-Communism*, 62 (1): 26–44.
- Lobanova O., Semenov A. (2013) Kak lyudi i organizatsii trebuyut izmenenii: issledovaniye repertuara protesta v Tyumeni [How People and Organizations Demand Changes: a Study of Protest Repertoire in Tyumen]. *Monitoring obsestvennogo mneniya* [Public Opinion Monitoring], 6 (118): 30–38.
- McAdam D., McCarthy J., Zald M. (1996) *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Robertson G. (2011) *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-communist Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Robertson G. (2013) Protesting Putinism. The Election Protests of 2011–2012 in Broader Perspective. *Problems of Post-Communism*, 60 (2): 11–23.

Robinson N. (2013) Russia's Response to Crisis: The Paradox of Success. *Europe-Asia Studies*, 65(3): 450–472.

Semenov A. (2014) Partiinye i vnepartiinye aktory v izbiratelnykh kampaniyah: opyt Tyumenskoi oblasti [Parties and Non-partisan Actors in Election Campaigns: The Case of Tyumen]. *Vestnik Permskogo univiersiteta, seriya 'Politologiya'* [Perm University Review. Political Science], 3: 65–75.

Sobolev A. (2012) *Faktory kollektivnogo deistviya: sluchai massovykh protestov v Rossii v 2011–2012 gg.* [The Factors behind Collective Actions: the Case of Mass Protests in Russia in 2011–2012], Moscow: Higher School of Economics.

Sovet 24 Dekabrya (2012) Available at: <https://soviet24dec.wordpress.com/> (accessed 12 December 2015).

Starodubrovskaya I., Zubarevich N., Nazarov V., Gorina A. (2010) *Analiz regional'noi antikrizisnoi politiki* [An Analysis of Regional Anti-crisis Policy], Moscow: Delo RANH.

Teague E. (2011) How did the Russian Population Respond to the Global Financial Crisis? *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 27 (3–4): 420–433.

The Independent Institute for Social Policy (2015a) *Socialnyi atlas rossiiskikh regionov* [A Social Atlas of Russian Regions]. Available at: <http://atlas.socpol.ru/> (accessed 12 December 2015).

The Independent Institute for Social Policy (2015b) *Socialnyi atlas rossiiskikh regionov: Permskii krai* [Social Atlas of Russian Regions: Perm Krai]. Available at: <https://clck.ru/9iEh7> (accessed 12 December 2015).

The Independent Institute for Social Policy (2015c) *Socialnyi atlas rossiiskikh regionov: Tyumenskaya oblast'* [Social Atlas of Russian Regions: Tyumen oblast']. Available at: <https://clck.ru/9iEhF> (accessed 12 December 2015).

The Levada Center (2015) *Socialno-ekonomicheskiye indikatoriy* [Socioeconomic Indicators]. Available at: <https://clck.ru/9fMkD> (accessed 12 December 2015).

Treisman D. (2014) Putin's Popularity since 2010: Why Did Support for the Kremlin plunge, Then Stabilize? *Post-Soviet Affairs*, 30 (5): 370–388.

Tykanova E., Hohlova A. (2015) Gorodskoi politicheskii regim v Sankt-Peterburge: rol' realnykh i vobrazhaemykh 'mashin rosta' v borbe za gorodskoye prostranstvo [The Urban Political Regime in St.Petersburg: the Role of Real and Imagined 'Growth Machines' in the Struggle for Urban Space]. *Jurnal issledovaniy socialnoi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 13 (2): 241–256.

Volkov D. (2015) *Vybory 2015–2016 goda: povestka dnja dlya oppositsii* [The Elections of 2015–2016: The Agenda for the Opposition]. Available at: <https://clck.ru/9iEgC> (accessed 12 May 2015).

Zavaskaya M., Saveleva N. (2014) 'A možno ja kak-nibud sam vyberu?': vybory kak 'lichnoe delo', procedurnaya legitimnost i mobilisatsiya 2011–2012 godov [Can I Choose by Myself? Elections as a Personal Cause, Procedural Legitimacy, and Mobilisation of 2011–2012]. S. Erpyleva, A. Magun (eds.) *Politika apolitichnykh: socialnye dvizeniya v Rossii 2011–2013 gg.* [The Politics of Apolitical: Social Movements in Russia in 2011–2013], Moscow: Novoye Literaturnoe Obozrenie.